

Охранитель Города.

Р а з с к а з ь .

Во времена оныя, которыя могутъ быть и близки, и далеки, и которыя даютъ простымъ людямъ и маленькимъ дѣтямъ почувствовать ту, туманами обвѣянную тропинку, ведущую къ мѣсту успокоенія душъ, называемому учеными и мудрыми „Вѣчное Теперь“,—въ такія времена жилъ человѣкъ, которому снился великій сонъ, несравненно болѣе великій, чѣмъ онъ думалъ. Его сонъ шелъ изъ Страны Сновидѣній, но онъ былъ изъ тѣхъ, которые жаждутъ, чтобы ихъ грезы проявлялись въ мѣрѣ, называемомъ иными „Страной Реальностей“, а иными—„Страной Тѣней“. Онъ мечталъ о расѣ боговъ, которая бы управляла землею, а такъ какъ самъ онъ происходилъ изъ царскаго дома, то онъ и стремился къ тому, чтобы превратить свою мечту въ дѣйствительность. Я расскажу сейчасъ, какъ онъ дѣлалъ это; но рассказъ этотъ идетъ не отъ царственнаго мечтателя, котораго люди называли „человѣкомъ дѣйствія“, рассказъ этотъ идетъ отъ одного изъ его подданныхъ, который оказался неудачникомъ въ глазахъ всего міра. Этотъ молодой человѣкъ имѣлъ прозрѣніе въ Мечту Короля и до того влюбился въ эту Мечту, что даже благодарилъ Бога за свою неудачу, ибо его стыдъ и его грѣхъ были частью той цѣны, которою онъ уплатилъ за прозрѣніе въ Мечту Короля. И до того безуменъ былъ этотъ человѣкъ, что Мечта казалась ему ближе къ истинѣ, чѣмъ та дѣйствительность, въ которую Король облекъ ее, чтобы она стала явственной для тѣхъ, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть. На самомъ дѣлѣ, и самъ Король не могъ ясно припомнить своего видѣнія, но такъ какъ оно сохранялось въ Странѣ Грезъ, оно не переставало имѣть силу надъ нимъ и побуждало его къ дѣйствіямъ, полнаго значенія которыхъ онъ и самъ ясно не видѣлъ.

Король основалъ городъ, чтобы приготовить въ немъ Богоподобную расу, о которой онъ мечталъ; изъ этого маленькаго го-

рода совершенные люди должны были распространиться по всей землѣ и господствовать надо всѣми. Онъ окружилъ себя благочестивыми и учеными людьми и съ ихъ помощью составилъ законы. Тамъ были гимназіумы, коллегіи и школы философіи, науки и этики; были тамъ также храмы, чтобы совершать обряды Государственной Религіи, правила которой были тщательно составлены въ общемъ Совѣтѣ, дабы въ нее не проникло ничто, могущее оскорбить разумъ или нравственность.

Были тамъ и парки, и купальни для плаванья; чистота и порядокъ господствовали всюду; дома были построены по правиламъ, одобреннымъ Комитетомъ Врачей; ни одинъ человѣкъ съ наслѣдственной склонностью къ заболѣваніямъ физическимъ, умственнымъ или нравственнымъ не могъ быть гражданиномъ этого города. Личности съ нервнымъ и неуравновѣшаннымъ темпераментомъ были изгоняемы. Былъ тамъ также „Комитетъ для Обнаруженія Вырожденія“ и члены его принудили большинство художниковъ, музыкантовъ и поэтовъ, а также всѣхъ ясновидцевъ и мечтателей покинуть городъ. Уголовное законодательство было замѣчательное: въ предѣлахъ города преступленія не наказывались и не существовало никакихъ попытокъ исправлять преступниковъ. Въ городѣ не было тюремъ. Въ десяти миляхъ отъ города былъ поселокъ нарушителей закона, сумасшедшихъ и неизлѣчимо больныхъ; туда ихъ перевозили и они уже не могли возвратиться въ городъ. „Глава Медицины“ желалъ, чтобы нѣкоторымъ докторамъ было позволено навѣщать этотъ поселокъ; и „Старшій Профессоръ Физиологіи“ желалъ того же; но Первый Министръ, очень рѣшительный человѣкъ, возразилъ, что въ такомъ случаѣ они должны и жить тамъ, и передавать городу условными сигналами свои наблюденія. Его дѣло—создать расу, въ которой не будетъ ни преступниковъ, ни сумасшедшихъ, ни больныхъ, и онъ не можетъ позволить никакихъ сношеній между городомъ и Поселкомъ Осужденныхъ, какъ назвали это мѣсто. Всѣ, жившіе тамъ носили одежду изъ грубаго сѣраго сукна для отличія отъ здоровыхъ людей. Молодой человѣкъ, о которомъ я упомянулъ, былъ сыномъ Перваго Министра; отецъ далъ ему отвѣтственный постъ, ибо, хотя онъ и былъ очень молодъ, онъ съ дѣтства готовился для участія въ намѣреніяхъ Короля и въ планахъ его Совѣтниковъ. Молодой человѣкъ былъ серьезенъ и молчаливъ; никто не зналъ его истиннаго настроенія и не замѣчалъ, что тревожило его мысли. Его огорчало многое, что онъ слышалъ. Были большія разногласія въ мнѣніяхъ Главы Медицинскаго Пра-

вления и Главы Церкви; между ними были горячія столкновения и они часто обвиняли другъ друга. Старшій Профессоръ Физиологии былъ въ недоумѣніи, а главный сатирикъ, прикомандированный къ Комитету для Обнаруженія Вырожденія, отмѣчалъ ихъ разногласія и вносилъ въ свои сатиры.

Глава Церкви думалъ, что Первый Министръ заблуждался, уединяя такъ строго преступниковъ; Глава Церкви былъ изъ тѣхъ, которые охотно жертвуютъ святымъ въ пользу грѣшника, здоровымъ въ пользу больного, ученымъ въ пользу невѣжественнаго. Этимъ онъ подрывалъ законъ, который, по мнѣнію многихъ, составляетъ самый корень всякаго городского строительства. Глава Медицины относился къ вопросу болѣе здраво.

„Эти люди—по сравненію съ нами—низшій продуктъ эволюціоннаго процесса“, говорилъ онъ; они научатся, благодаря заблужденіямъ своего разума (благодаря тому, что многіе почтенные люди называютъ ихъ „преступленіями“), а путемъ вытекающаго отсюда страданія, они поднимутся постепенно до пониманія истинной причины добра и зла. Составляя теоретическую концепцію о конечной природѣ и о чистой сущности ихъ естества“...

„А практически“,—сухо перебилъ Глава Церкви, — „не зная ровно ничего объ этой сути Скажите пожалуйста, вы предлагаете довести ваше опредѣленіе до ихъ свѣдѣнія?“

„Н-нѣтъ“, сказалъ Представитель Медицины съ осторожностью. „Не вполне, но мы могли бы сказать имъ, что эволюціонный процессъ чрезвычайно длиненъ и у нихъ есть еще время сознать свои ошибки“.

„Вы не скажете имъ ничего подобнаго“, рѣшилъ Первый Министръ. „Я не желаю никакихъ сношеній между городомъ и Поселкомъ Осужденныхъ. Это все чистѣйшая сантиментальность. Объ этомъ слѣдовало бы доложить Комитету для Обнаруженія Вырожденія“.

„Я рассматриваю дѣло не съ личной точки зрѣнія“, сказалъ Глава Медицины, съ нѣкоторымъ жаромъ. „Таково и мнѣніе моего друга, Старшаго Профессора Физиологии. Очень жаль, что не всѣ соглашаются съ нашимъ мнѣніемъ“.

„Другими словами“ горячо заговорилъ Глава Церкви, „прикрывать ихъ невѣжество вашимъ воображаемымъ превосходствомъ и дурачить себя, если ужъ нельзя обмануть другихъ... Въ интересахъ истинной религіи, я радуюсь, что немногіе соглашаются съ вашимъ мнѣніемъ“.

Въ эту минуту вошелъ Король, и споръ оборвался. Но сынъ Перваго Министра, слушавшій разговоръ, опечалился такъ сильно, что не могъ спать всю ночь. Когда онъ былъ еще ребенкомъ, онъ часто видѣлъ сонъ, который пересталъ посѣщать его, когда онъ выросъ. Теперь онъ вспомнилъ о немъ, хотя значеніе сна было для него неясно. Онъ видѣлъ чашу, въ формѣ многолепестнаго цвѣтка, плывущую въ чистомъ темномъ пространствѣ; и въ нея спускался вихрь изъ чистаго, бѣлаго пламени и наполнялъ ее до краевъ. Когда онъ раздумывалъ надъ значеніемъ этого дѣтскаго сновидѣнія, имъ овладѣлъ страхъ, что усиліе Короля создать расу боговъ, можетъ потерпѣть неудачу. Эти его сомнѣнія сдѣлались подъ конецъ такъ очевидны, что и его причислили къ числу городскихъ преступниковъ. Защищая себя, онъ заявилъ, что если бы сохранилъ букву закона, онъ нарушилъ бы его духъ; болѣе того, онъ нарушилъ бы тотъ внутренній законъ, который праведный человѣкъ долженъ налагать на свою собственную душу. Въ виду этого, онъ былъ официально изгнанъ изъ города и переправленъ въ одеждѣ преступника въ Поселокъ Осужденныхъ, приговоренный къ пожизненному изгнанію.

Оставшись одинъ, онъ впалъ въ отчаяніе. Обуреваемый сомнѣніями, въ теченіи многихъ мѣсяцевъ призывалъ онъ Невѣдомую Силу, чтобы она указала ему средство, *какъ* спасти родной городъ отъ грозящей ему гибели; гибели, невидимой ни для Короля, ни для Перваго Министра, ни для Главы Церкви, ни для медицинскаго авторитета.

„Укажи мнѣ“, воскичалъ онъ въ душѣ своей, „какъ мнѣ спасти Мечту Короля и выполнить ее!“

И вотъ, вмѣсто отвѣта на его горячую мольбу, онъ оказался изгнаннымъ и лишеннымъ всякой возможности дѣйствовать. Онъ потерпѣлъ неудачу, потерпѣлъ неудачу и Король, и Первый Министръ, и невѣдѣніе этихъ двухъ, разрушавшихъ тамъ, гдѣ они хотѣли созидать, доводило сердце молодого человѣка до агоніи. И тѣло его страдало отъ грязи и нищеты окружающаго. Въ Поселкѣ Осужденныхъ не было закона; каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, и послѣдствіемъ была полная анархія; немногіе считались съ интересами другихъ и каждый искалъ личнаго удовлетворенія. Угрюмый цинизмъ этого мѣста налегъ свинцовой тяжестью на сына Перваго Министра. Когда онъ нарушалъ законъ, онъ считалъ себя правымъ, но теперь стыдъ за свою отверженность овладѣлъ имъ; физическое униженіе раздавило его. Ему захотѣлось спрятаться даже отъ взоровъ своихъ товарищей - преступниковъ.

Онъ заперъ двери своей камышевой хижины и закрылъ ставни. По ночамъ онъ выходилъ, крадучись, чтобы купить хлѣба и вина у старой женщины, которая была такъ блѣдна, что готова была и въ полночь отпирать двери покупателямъ. Позднѣе, когда онъ взглядѣлся, сколько нужды и тяжкаго труда выпало на долю этой женщины, онъ началъ жалѣть ее; въ началѣ же онъ испытывалъ только содраганіе отъ ея убожества и нечистоты, и ему тошно было ѣсть хлѣбъ, сдѣланный ея руками.

По ночамъ онъ сидѣлъ и плакалъ, какъ плачутъ дѣти надъ сломанной игрушкой; и онъ, дѣйствительно, сломалъ всѣ игрушки, которыми утѣшался въ теченіе своей жизни. Въ одну ночь, когда сердце его словно окаменѣло отъ скорбной безнадёжности и отъ сознанія своего собственнаго безсилія, онъ вышелъ, какъ всегда, чтобы купить хлѣба.

Была лунная ночь и когда онъ вступилъ въ грязную, дурно пахнущую улицу, ему показалось, что онъ слышитъ музыку, не ясную, нѣжную и далекую, словно отдаленный волшебный хоръ тихо распѣвалъ въ тактъ порывамъ вѣтра и шуму потоковъ.

Онъ оставилъ свою дверь открытой; въ городѣ были воры, но у него не было имущества, кромѣ стула, стола и кучи соломы, на которой онъ спалъ, а глиняный кувшинъ и тарелку онъ бралъ съ собой.

Онъ купилъ хлѣба и вина и возвратился въ свою хижину; войдя, онъ почувствовалъ запахъ цвѣтовъ; пахло голубыми колокольчиками, скошенной травой, сырой землей и мохомъ. Онъ остановился въ дверяхъ, стараясь разглядѣть, *гдѣ* находились цвѣты.

Онъ не увидѣлъ никакихъ цвѣтовъ, но въ полумракѣ разглядѣлъ или ему показалось, что онъ разглядѣлъ, блѣдное личико, прозрачное, какъ блѣлая горная мгла, сквозь которую просвѣчиваетъ солнечный свѣтъ, съ бездонными голубыми глазами; подобно свѣтящемуся туману, растилающемуся среди лѣсныхъ деревьевъ, видѣніе пронеслось мимо него и растаяло въ темнотѣ. Одинъ лишь запахъ цвѣтовъ остался въ хижинѣ. Въ теченіе пяти ночей находилъ онъ тотъ же запахъ цвѣтовъ въ своей хижинѣ, каждый разъ, когда возвращался послѣ покупки хлѣба, но онъ не видѣлъ болѣе блѣднаго личика, съ бездонными голубыми глазами. Когда пришла шестая ночь, онъ ускорилъ шаги, приближаясь къ двери; онъ спѣшилъ, охваченный страхомъ, что не услышитъ болѣе запаха цвѣтовъ. И страхъ этотъ былъ такъ силенъ, что онъ остановился и въ груди его поднялись рыданія отъ ужаса передъ тѣмъ одиночествомъ, которое настанетъ для него, когда

исчезнетъ нѣжное благоуханіе цвѣтовъ. До этой минуты онъ и не зналъ, какое оно значеніе получило для него. Когда онъ переступилъ порогъ, онъ сразу почувствовалъ запахъ цвѣтовъ. Въ хижинѣ—онъ ясно видѣлъ это—стояла дѣвочка; у нея было блѣдное личико, которое свѣтилось, словно за нимъ горѣлъ огонь, сіявшій изъ ея бездонныхъ голубыхъ глазъ; дѣвочка была босая, въ одеждѣ изъ небѣленой ткани, волосы ея были распущены и отъ нихъ исходилъ запахъ ночного вѣтра, сырой земли и лѣсныхъ цвѣтовъ; она держала въ рукѣ сосновую вѣтку, перебросивъ ее черезъ лѣвое плечо; на вѣткѣ виднѣлись молодая зеленая кисточки, распустившіяся нынѣшней весной, которыя весело отдѣлялись отъ темной зелени сосновыхъ иголь и отъ бронзовой чешуи смолистыхъ шишекъ.

Молодой человѣкъ не спускалъ съ нея глазъ; глиняный кувшинъ выпалъ изъ его рукъ и разбился; вино потекло по каменному полу прямо къ босымъ ногамъ удивительной дѣвочки.

„Ты не могъ слышать мой голосъ, когда я говорила съ тобой въ теченіе этихъ шести ночей“, сказала она, „поэтому я должна была притти сама изъ лѣсовъ. Почему ты все плачешь по ночамъ?“

Женщины не стыдятся своихъ слезъ, но мужчины чувствуютъ иначе. Онъ покраснѣлъ и, вмѣсто отвѣта, спросилъ: „это ты приносила запахъ цвѣтовъ въ мою хижину?“

— Ты слышала запахъ потому, что я была здѣсь.

— Въ такомъ случаѣ ты не...—началь онъ.—Кто ты? Ты кажешься ребенкомъ. Изъ человѣческой породы, но ребенкомъ удивительнымъ.

Она засмѣялась.

— Такова я и есть,—отвѣтила она.—Мой отецъ—лѣсничій въ королевскихъ лѣсахъ, а моя мать собираетъ и выращиваетъ лекарственныя травы, и такъ какъ оба они были мудры мудростью невинной простоты, я была рождена у нихъ; зная, что Лѣсные Духи сродни мнѣ, они не препятствуютъ мнѣ уходить и приходить, когда вздумаю.

— Меня удивляетъ, что они позволяютъ тебѣ приходить въ это дурное мѣсто.

— Я иду, куда меня зовутъ. Правду сказать, и это мѣсто, и то, въ которомъ ты раньше жилъ, куда какъ невзрачно. Но какъ же иначе? Народъ, строившій ихъ, еще не научился своему искусству.

— Правда,—отвѣтилъ онъ съ грустью,—и я тоже думаю.

— Можетъ отъ этого ты плакалъ?

— Отчасти. Скажи мнѣ, какъ могло случиться, что ты была здѣсь, а я не видѣлъ тебя?

— Ты еще мало ознакомился съ Міромъ Сновидѣній—вотъ почему. Но ты уже слышалъ запахъ цвѣтовъ и разъ даже видѣлъ мое лицо.

— Въ такомъ случаѣ, ты—Сновидѣніе?

— Ты будешь считать меня сновидѣніемъ, когда проснешься, но когда ты спишь, я дѣйствительно существую. Когда я была совсѣмъ маленькой, мать укладывала меня въ горницѣ, выходящей окнами въ лѣсъ. Свѣтъ въ ней былъ блѣдно-зеленый отъ деревьевъ въ лѣсу; она ставила мою постель въ лунный свѣтъ (мать ея матери,—она была мудрая,—научила ее всему), раскрывала окна настежь, усыпала полъ, порогъ и крыльцо молодыми вѣтками орѣшины и буковицы и обращалась съ молитвой ко всѣмъ добрымъ Силамъ Лѣса, чтобы онѣ охраняли ея дитя; пожелавъ послѣ того мира всѣмъ входящимъ и выходящимъ изъ горницы, и окруживъ все мѣсто кольцомъ своей материнской любви, она оставляла меня одну. И тогда добрыя Силы проникали въ горницу и выносили меня на лунный свѣтъ; тѣло мое оставалось спящимъ въ зеленой прохладной комнатѣ, а я сама блуждала съ моимъ Народомъ и узнавала Страну Сновидѣній. Съ тѣхъ поръ я странствую каждую ночь; моя мать и отецъ знаютъ въ своей мудрой простотѣ, что это должно быть такъ. Когда пройдетъ срокъ и я сдѣлаюсь взрослой, я приду по порученію своего Народа въ вашъ городъ; и въ это мѣсто я тоже приду, если здѣсь останется хотя бы одинъ способный слышать, и я буду повсюду провозглашать то, что мнѣ велѣно.

— Что же будешь ты провозглашать?

— Что мнѣ велѣно. Когда ты видѣлъ Чашу-Цвѣтокъ, наполненную бѣлымъ огнемъ до краевъ, ты видѣлъ срокъ, о которомъ я говорю. Я буду восклицать: Я Голось Грядущей Вѣры! Смотрите! Вы изгнали Красоту, а вмѣстѣ съ ней и Гармонію; вы изгнали Красоту, дѣлающую Мудрость видимой! И я призову ихъ назадъ, нѣкоторыхъ въ самое лоно Мудрости, которая лежитъ и грезить у самага сердца Природы и въ своихъ грезахъ творить красоту для тѣхъ, кто способенъ видѣть. Другихъ я призову къ старому полузабытому сну, не вполне утерянному, но пришедшему въ забвеніе, когда основывались ваши города; слѣдуя по его тропѣ, *эти* узнаютъ мой Лѣсной Народъ, который и приведетъ ихъ въ Садъ Мудрости, въ Садъ Душъ, соединенныхъ воедино.

— Ты будешь звать напрасно,—отвѣтилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Ты будешь провозглашать вѣсть кучѣ пепла.

Жизнь ушла изъ города и время сравниваетъ его съ землей. И въ этомъ мѣстѣ ты будешь взывать напрасно, потому что никто не услышитъ тебя. Здѣсь есть жизнь, но это—жизнь самого ада.

— А что ты называешь жизнью ада?—спросила она, размахивая своей сосновой вѣткой, какъ кадилъницей и наполняя заструившимся отъ нея ароматомъ его хижину.—Однажды я подошла близко къ ногамъ мудраго человѣка, который училъ своихъ учениковъ въ уединенной долинѣ у подножія холмовъ, и одинъ изъ его послѣдователей спросилъ его: „скажи намъ, о мудрый, въ чемъ природа грѣха и въ чемъ природа добродѣтели?“ Мудрый отвѣтилъ ему: „есть Скрытая Сила, которая стремится проявить себя во времени и пространствѣ; желая создать добродѣтель, она создаетъ зло, ибо зло есть лишь неудавшееся проявленіе добра, а добро есть лишь неудавшееся проявленіе той Силы, которая—ни то и ни другое. И это будетъ познано въ тотъ часъ, когда постигнута будетъ истинная суть этой Силы, т. е. въ день жатвы и достиженія“.

Онъ вздохнулъ.

— Можетъ быть, сказалъ онъ,—но посмотри сюда, или лучше не смотри, о чудное Дитя, ибо мѣсто это не для твоихъ взоровъ. Прошлое этихъ людей должно пребывать для нихъ навсегда. Пока сохраняется память, и грѣхи праведника не перестаютъ пребывать.

— Слышала я и такія рѣчи,—сказала она;—одинъ изъ учениковъ мудраго человѣка сказалъ: „нѣтъ грѣха, кромѣ невѣдѣнія, вмѣстѣ съ знаніемъ исчезнетъ и грѣхъ“, а другой восклицалъ: „грѣхъ есть невѣдѣніе, а невѣдѣніе—вѣчная возможность, поэтому и грѣхъ пребываетъ во вѣкъ!“ А другой восклицалъ: „жизнь можно снова пережить и измѣнить по новому“. Таковъ законъ. Все—Мысль. Пусть грѣшникъ овладѣетъ Мыслью своего прошлаго и онъ можетъ измѣнить его; такъ прощаются и вычеркиваются грѣхи; такъ спасаются люди Вѣрой.

— Это все слова,—сказалъ онъ.

— И я тоже думаю,—отвѣтила она.—Потому то я и оставила ихъ разговаривающими и пошла по тропинкамъ Страны Сновидѣнія къ этому мѣсту. На половинѣ пути между этимъ мѣстомъ и городомъ, я видѣла Охранителя города въ человѣческомъ видѣ.

— Охранителя города?—переспросилъ молодой человѣкъ;—ты можетъ быть говоришь о Королѣ?

— До нѣкоторой степени,—отвѣтила она;—они говорятъ, что разумъ Короля отражается въ его разумѣ. А я думаю, что онъ отражается какъ полный мѣсяцъ въ маленькомъ лѣсномъ озеркѣ,

у котораго я часто сижу по ночамъ съ моимъ Народомъ и смотрю, какъ бѣлыя лиліи покачиваются на водѣ и слушаю какъ камыши шелестятъ, когда вѣтеръ проносится, тормоша плакучія березы у самага края воды; когда сидишь тамъ въ свѣтлую ночь, весь міръ кажется сдѣланнымъ изъ потускнѣвшихъ драгоценныхъ камней, неясно окрашенныхъ, но съ огнемъ, горящимъ въ сердцѣ каждаго изъ нихъ. Ты бы навсегда пересталъ смѣяться и плакать, если бы почувствовалъ тишину такой ночи. Это—настоящее волшебство и миръ пребываетъ въ самомъ средоточіи ея души.

— Но кто тотъ, кого ты назвала Охранителемъ города?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Онъ сидѣлъ въ пыли и на немъ была такая же одежда, какъ на тебѣ.

— Одежда осужденнаго,—проговорилъ онъ тихо и нахмурился какъ отъ боли.

— Какъ у тебя,—повторила она небрежно, какъ бы не придавая этому никакого значенія.—Я преклонилась предъ нимъ, потому что въ нашемъ Лѣсномъ Мірѣ учатъ склоняться передъ тѣми, кто выше насъ. У меня были цвѣты, блѣдныя буковицы и бѣлыя анемоны, подобные пѣнѣ на морской волнѣ; я положила мои цвѣты къ его ногамъ и привѣтствовала его какъ святого; я спросила его смиренно: почему онъ сидитъ здѣсь, имѣетъ человѣческій видъ и одѣтъ въ такую неподходящую одежду? Онъ отвѣтилъ: „По причинѣ моего грѣха“. Я сказала: „Святитель, можешь ли ты грѣшить?“ Онъ же далъ такой отвѣтъ: „Взгляни на тайну! Сегодня я согрѣшилъ въ слугѣ моемъ, управителѣ Главы Церкви, который укралъ три мѣры зерна; а также въ слугахъ моихъ, Главѣ Церкви и Главѣ Врачей, которые преступили правду въ сердцѣ своемъ и въ мысляхъ своихъ приписывали зло и безуміе другъ другу: они превозносили свободу языками, а въ душѣ своей ковали цѣпи рабства, думая презрительно о тѣхъ, которые мыслятъ и говорятъ иначе, чѣмъ они. Вотъ почему я, не затронутый ни грѣхомъ, ни добродѣтелью, все же согрѣшилъ въ нихъ; я надѣлъ эту одежду и сижу въ пыли, потому что ихъ стыдъ—мой стыдъ.

— Но это заблужденіе, о, чудное Дитя! Каждый человѣкъ долженъ самъ отвѣчать и страдать за свои грѣхи.

— И это—правда,—отвѣтила она.—Но подобно всѣмъ истинамъ, и она можетъ превратиться въ ложь, ибо нѣтъ ни одного человѣка, который не страдалъ бы въ извѣстной степени за грѣхи другого. И какъ взрослый человѣкъ отклоняетъ на себя ударъ, направленный на ребенка, хотя бы ребенокъ самъ навлекъ его на

себя, и переносить его охотно, чтобы ребенокъ могъ дорасти до полного возраста, когда онъ будетъ въ состояніи самъ платить свои долги и съ своей стороны поддерживать младенцевъ, которые еще не родились во времена его собственнаго дѣтства; когда, говорю я, человѣкъ собственной свободной волей навлекаетъ на себя такіе удары, въ эти минуты душа его пріобрѣтаетъ сходство съ Чашей-Цвѣткомъ и она загорается пламенемъ и становится прозрачной. Чистый огонь горитъ и внутри, и внѣ ея, и пламя проникаетъ въ нее безпрепятственно; и если какіе-либо грѣхи изъ его прошлаго еще не уплачены, они прощаются и огонь сжигаетъ ихъ, ибо онъ, взрослый человѣкъ не отличаетъ своихъ собственныхъ грѣховъ отъ грѣховъ младенцевъ, которымъ такъ трудно достаются усилія. Такъ каждый уплачиваетъ въ свою очередь за другого долгъ, который когда то былъ уплаченъ за него.

Она отломилла побѣгъ отъ своей сосновой вѣтви и положила на столъ.

— Завтра ночью,—сказала она,—приходи ко мнѣ. Поднимись по холму до болота, перейди болото и вступи въ лѣсъ; въ самомъ сердцѣ его ты найдешь домъ моего отца.

— Но твой отецъ не захочетъ принять чловѣка, носящаго эту одежду.

— Я уже сказала тебѣ, что мой отецъ овладѣлъ Мудростью невинныхъ,—отвѣтила она.—Онъ не боится никакихъ человѣческихъ одеждъ и слухъ его закрытъ для насмѣшекъ и презрѣнія мудрствующихъ людей. Вотъ отчего родилась у него я, Голось Грядущей Вѣры.

— Это твое имя?

— Для тебя—да. Возьми этотъ побѣгъ.

Она вложила вѣточку въ его руку и исчезла изъ его взоровъ; пронеслась какъ легкій утренній вѣтерокъ, оставляющій рябь на водяной поверхности. Онъ закрылъ ставни, сѣлъ въ темнотѣ и сталъ думать. Онъ раздумывалъ о Чашѣ-Цвѣткѣ и о Хранителѣ Города и ему казалось, что и онъ также былъ недремлющимъ хранителемъ мятежнаго города, своего собственнаго усталаго, бурями потрясаемаго тѣла и мозга. Время шло, и городъ началъ издавать законы для его руководства. Онъ говорилъ ему о сумасшествіи, о томъ, что маленькій сосновый побѣгъ былъ лишь фантазіей безумца; что онъ вообразилъ запахъ цвѣтовъ потому, что сходилъ съ ума; что дитя съ бездонными голубыми глазами и ея удивительныя рѣчи—лишь порожденіе его больного мозга. Когда пришла ночь, онъ выбросилъ сосновую вѣтку, ска-

завъ себѣ, что онъ могъ сорвать ее самъ во время сна. Онъ рѣшилъ ждать до полуночи, если запахъ цвѣтовъ появится, какъ и раньше, онъ пойдетъ. Въ полночь запаха не появилось и онъ остался безъ желаннаго знака. Онъ сидѣлъ одинъ въ темнотѣ и безмолвіи, когда охранитель его собственной встревоженной тѣлесной жизни заговорилъ съ нимъ такими словами: „Достаточно что я знаю, встань и иди!“

Преодолевъ колебаніе, онъ всталъ, открылъ дверь и вышелъ изъ своей темной хижины, не дождавшись знака, котораго онъ не переставалъ жадать. Онъ прошелъ черезъ грязныя улицы къ холмамъ, а затѣмъ долго шелъ по темнымъ пространствамъ болотъ, пока не вступилъ въ большой молчаливый лѣсъ. Это была удивительная прогулка. Лунный свѣтъ и древесная листва придавали окружающему воздуху серебристо-сѣрый волшебный видъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, незримыя крылья воздуха напѣвали мелодію, которую не всякій способенъ услышать. Всѣ, имѣющіе понятіе о такихъ вещахъ, сами знаютъ какова эта музыка. Музыка, которую слушатель не можетъ уловить, хотя она наполняетъ все, даже самый воздухъ, которымъ онъ дышетъ, *эта* музыка самая совершенная изъ всѣхъ.

Всѣ звуки и ароматы этой ночи неслись изъ самаго сердца Волшебной Страны. Все имѣло особое значеніе, какъ это бываетъ во снѣ; неуловимое, сводящее съ ума днемъ; не имѣющее никакого отношенія къ земному, но полное непередаваемого значенія въ мірѣ сновидѣній. Спящая земля, черно-синее небо, превратились для него въ символы внутренняго міра, въ которомъ самое сердце его скрытой жизни сохранялось въ великомъ покоѣ. Онъ видѣлъ какъ между стволами деревьевъ мерцающіе огни вспыхивали и перелетали съ мѣста на мѣсто; весь лѣсъ жилъ свѣжемогучей стихійной жизнью и все же былъ полонъ покоя, и магическая святая красота царствовала въ этомъ мірѣ. Трепетаніе листьевъ, шопотъ склоняющихся травъ, журчаніе воды, слагались въ пѣснь, которая проникала всю его душу. Подъ конецъ онъ увидѣлъ деревянный домъ, окруженный распутившимися дубами; въ зеленыхъ вѣтвяхъ пѣлъ соловей и проносился легкій вѣтеръ. Въ открытой двери стояла, ожидая его, Чудесная Дѣвочка; она напѣвала тихую пѣсенку, которая звучала какъ воспоминаніе о давно забытой мелодіи. Она привѣтствовала его поцѣлуемъ и ввела въ домъ; тамъ, хотя было ужъ очень поздно, оба мудрые— и отецъ, и мать—привѣтствовали его; и онъ остался съ ними въ теченіе трехъ дней и ночей. Днемъ онъ раздѣлялъ ихъ работу,

ихъ бесѣду, ихъ простой столъ; ночью онъ спалъ подъ открытымъ небомъ у подножія большого дуба, и ему снились такіе сны, какихъ до тѣхъ поръ онъ не зналъ никогда. Онъ не былъ счастливъ и не былъ печаленъ; вся душа его была охвачена экстазомъ ожиданія; ожиданіемъ сокровеннаго чуда, которое онъ зналъ и не зналъ. Лишь по временамъ его настроеніе нарушалось мыслью о непринятой жертвѣ, объ оставленной безъ отвѣта молитвѣ.

„Вѣдь я пожертвовалъ всѣмъ, что имѣлъ и не достигъ ничего“.

На третью ночь, когда онъ лежалъ подъ дубомъ, онъ увидѣлъ равнину, на которой былъ расположенъ городъ и поселокъ осужденныхъ. Спалъ ли онъ или не спалъ, видѣлъ ли онъ тѣлесными глазами, или глазами души, онъ не могъ сказать; онъ не былъ даже увѣренъ, видѣлъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, или только зналъ, что это должно быть такъ. Онъ видѣлъ дворецъ Короля, и академіи, и храмы, и свою собственную камышевую хижину въ Поселкѣ Отверженныхъ, и ему казалось, что все это было въ границахъ его собственной души. Затѣмъ онъ увидѣлъ большую сферу, висящую надъ городомъ и надъ Поселкомъ Осужденныхъ, но онъ не зналъ находилась ли она *надъ* городомъ, или самъ городъ находился внутри нея. Она горѣла различными цвѣтами и черезъ нѣкоторое время онъ видѣлъ уже не одну, а много сферъ; каждая изъ нихъ свѣтила своимъ собственнымъ цвѣтомъ, но каждая двигалась въ гармоніи съ другой, проникая одна другую безъ препятствія и помѣхи; когда онѣ сливались, цвѣта ихъ разгорались все ярче и ярче въ великое сіяніе; и все же каждая сфера сохраняла свою собственную форму и свой цвѣтъ. Отъ большой сферы какъ бы молніи и пучки различныхъ цвѣтовъ выбрасывались и устремлялись въ городъ или въ поселокъ; они дрожали и трепетали какъ живые; иногда по нимъ возносился вверхъ темный трепетъ и тогда вся огромная сфера приходила въ содроганіе; и каждый разъ послѣ того изъ сердца ея вырывалось бѣлое пламя, внутри котораго вспыхивала искра, какъ бы отъ луннаго свѣта на голубой стали, и когда этотъ свѣтъ устремлялся въ отвѣтъ на содраганіе темноты, сферы становились еще ярче и изъ нихъ изливались еще большіе потоки свѣта. Когда онъ смотрѣлъ на это чудо, онъ почувствовалъ, что чудесное Дитя стояло около него; онъ обратился къ ней съ такими словами:

— Скажи, *такъ ли* охраняется городъ?

— Такъ,—отвѣтила она.—Приобщаются къ этой охраняющей жизни тѣ, которые умѣютъ также отдавать свою жизнь. Но среди

нихъ нѣтъ ни одного, кто бы скорбѣлъ духомъ о томъ, что исполнена молитва его.

— Но моя молитва не была исполнена,—сказалъ онъ смиренно,—я испыталъ одну неудачу.

— Но теперь ты узналъ,—сказала она.—Если бы ты былъ сильнѣе и терпѣливѣе, не нужно было бы и объяснять тебѣ этихъ вещей. Вѣдь въ глубинѣ сердца ты все это зналъ.

Когда она говорила, солнечный лучъ коснулся его лба; онъ открылъ глаза, солнце всходило и на росистой травѣ, рядомъ съ нимъ, стояло Дитя.

— А теперь я пойду,—сказалъ онъ.—Пойду въ свою камышевую хижину въ Поселокъ Осужденныхъ. Увижу ли я тебя?

— Да, но не попрежнему; мы будемъ встрѣчаться въ Странѣ Сновидѣній.

— Но, вѣдь, я того не буду знать, когда проснусь?

— А развѣ это важно?

— Нѣтъ, это не важно. Прощай,—сказалъ онъ, но голосъ его немного дрожалъ. Онъ пошелъ черезъ лѣсъ, слушая пѣсни птицъ. Былъ полдень, когда онъ достигъ камышевой хижины въ грязной улицѣ. Онъ вошелъ въ нее и широко распахнулъ окна и дверь, чтобы впустить дневной свѣтъ.

— И здѣсь также свѣтитъ солнце,—сказалъ онъ.

Онъ прожилъ въ этой хижинѣ еще пятнадцать лѣтъ, а затѣмъ онъ умеръ. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ его жизни, начали появляться и на улицахъ города, и въ поселкѣ цвѣты, которые были посажены не человѣческими руками.

И вокругъ камышевой хижины появились цвѣты, нѣсколько анютиныхъ глазокъ, розмариновъ, богородской травки, но немного. Цвѣты расцвѣтали на дворѣ Главы Врачей и у крыльца Главы Церкви. И много цвѣтовъ, особенно весеннихъ, покрывали Поселокъ Осужденныхъ. А когда онъ умеръ, они стали расти еще краше, еще пышнѣй. Воздухъ былъ наполненъ благоуханіемъ цвѣтовъ, которыхъ никто не сажалъ и никто не выращивалъ. А на пятый годъ послѣ его смерти появилась идущая изъ лѣса дѣвочка; она пѣла и несла въ рукахъ такіе же нѣжные и душистые цвѣты, какіе жители города и поселка научились распознавать и любить; и она вошла въ городъ Короля, восклицая громкимъ голосомъ: „Открывайте всѣ двери! Ибо я—Миръ, я—Красота, я—Мудрость. Я Голосъ Грядущей Вѣры“.

Перев. съ англійскаго Е. П.